

Владимир Кузнецов

РТУТЬ И СОЛЬ

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6
К89

Серия «Историческая фантастика. Эпоха Империй»

Художник обложки: *Владимир Гурков*

Кузнецов, Владимир Анатольевич

К89 Ртуть и соль / Владимир Кузнецов.— Москва: Издательство АСТ, 2016.— 383 с. (Историческая фантастика. Эпоха Империй).

ISBN 978-5-17-096631-8

Добро пожаловать в Олдон, темное отражение георгианского Лондона. Это мрачное место, человеческий муравейник, где прогресс идет нога в ногу со средневековым мракобесием, место, полное странных существ и разнообразных человеческих пороков. В поисках пропавшей супруги Эдвард Сол вынужден заглянуть в самые темные уголки этого города — и собственного разума.

Попутно Сол успевает побывать членом уличной банды, мастерящим патроны и бомбы, фабрикантом-химиком, матросом, проданным на военный корабль, ветераном морской войны, едва не становится жертвой инквизиции, сталкивается с жуткими чудовищами — все для того, чтобы найти сбежавшую жену и понять, каковы истинные причины их общего макабрического сна.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6

Подписано в печать 28.06.16.

Формат 84 x 108 ¹/₃₂. Усл. печ. л. 20,16.

Тираж экз. Заказ № .

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 — книги, брошюры

© Владимир Кузнецов, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

Часть первая

БОМБИСТ

ИЗ СТАРОЙ ПИВОВАРНИ

Глава первая

НОЧЬ ПЕРЕД НАЧАЛОМ

Эдуард Малышев, больше известный в ролевой тусовке как Эдвард Сол, снимает кепку и устало вытирает лоб клетчатым платком. Несмотря на говорящее прозвище, он не любит летней жары. Особенно в этих краях, рядом с водохранилищем, когда воздух не только горячий, но и влажный до невозможности. Стоит выйти из тени, как кожа тут же покрывается липкой пленкой, а пальцы отекают так, что кольца намертво впиваются в них. По этой самой причине Эд редко появляется на играх в летние месяцы — предпочитает весну и осень. А в предыдущий сезон было и вовсе не до игр.

Он сидит за столом в небольшой беседке. Рядом ноутбук и пачка бумаги — обычное снаряжение для мастера, сидящего на регистрации. Девочка, которая должна была заниматься этим, в последний момент соскочила — вроде бы заболела или что-то такое. Ну, обязательность никогда не числилась среди добродетелей толкиенистов. Вот и приходится сидеть самому. Хорошо, что участни-

РТУТЬ И СОЛЬ. Часть первая

ков в этот раз ожидается чуть больше сотни, так что работы предстоит немного.

Очередной игрок появляется в беседке, бросает в углу видавший виды рюкзак и направляется к столу. Эдвард смотрит на него без всякого выражения.

— Хау! — здороваается парень, худощавый, с плохо подстриженными усами и бакенбардами в псевдовикторианском стиле.— Я Ингвальд...

— Я тебя помню,— кивает Эд.— Привет. Мы с тобой так и не договорились по роли. Ты же на сайт заходил? Видел, что я заявку твою отклонил?

Парень садится напротив, положив локти на стол.

— Слушай, ну что мы с тобой не договоримся? Давай я тебе прикид покажу...

— Ты мне фотографии присылал,— спокойно говорит ему Эд.— Этот прикид ты на прошлогодний «Стимтаун» делал. Ты помнишь, что я тебе тогда сказал?

— Да, помню. Слушай, у тебя что, так много игроков, что ты людей отшиваешь? Я смотрел — половина сетки вообще пустая.

— Это уже мои проблемы,— почесал подбородок Эд.— Кто надо, все заявили. А с тобой мы уже говорили. Моя игра не по стимпанку, извини.

Ингвальд (что за имя такое? Не то Ингвар, не то Грюнвальд) корчит оскорбленную мину. Видимо, для него это означает, что он уже устал втолковывать очевидное этому здоровяку-тугодуму.

— Ну, антураж же подходит! И там и там — викторианская Англия. Впишется идеально...

Викторианская Англия. Эду в этот момент очень хочется сломать придурковатому толчку¹ один или два пальца. А лучше три. Нет, совершенно зря он завязался с

---

¹ То же, что толкиенист.

Глава 1. НОЧЬ ПЕРЕД НАЧАЛОМ

этой игрой. Раньше, пока эти вопросы решала Алина, ему мастерить было как-то легче. Она умело сглаживала и заворачивала таких вот. Но Алины уже год как нет...

— Лондон времен промышленной революции. Это на сто лет раньше,— со всем возможным терпением отвечает он.— Я об этом писал и на сайте, и в правилах по антуражу, и лично тебе на почту. Разница есть.

— Да ладно тебе! — возмущенно взмахивает тощей лапкой Ингвальд.— Ты мне хочешь сказать, что у тебя все как один приехали в прикидах восемнадцатого века? По нему игр вообще никто не делает! Давай поспорим, что...

— Давай не будем спорить,— веско обрывает его Эдвард. У него неплохо выходит быть веским. Сто девяносто пять сантиметров роста и сто-плюс килограмм веса этому весьма способствуют. А угрюмое выражение, которое уже год как почти не сходит с лица,— и подавно.

Ингвальд замолкает, но все еще пытается выглядеть гордым и независимым.

Эдвард тоже молчит, обдумывая, что делать с горе-игроком. С одной стороны, пропустить его — значит увеличить кассу на один взнос. А ради кассы, собственно, и затевалась эта игра. Хотя нет, неправильно. Затевалась игра ради Алины, чтобы поддержать ее не только деньгами (сколько заработаешь на ролевой игре?), но и духовно. Алина очень хотела сделать эту игру, почти три года о ней мечтала. Эд все время обещал, но не хватало то смелости, то терпения, то денег. Тема и правда редкая — хорошо, что получилось собрать хоть сотню желающих. Большинство, правда, приехали по старой памяти. Эдвард устало закрывает глаза, надавливая на них кончиками пальцев.

— Так, дружище,— наконец говорит он Ингвальду,— вот что я могу предложить. Есть места в банде Уродских

РТУТЬ И СОЛЬ. Часть первая

Цилиндров, у них даже вроде как казначей не приехал. Есть недобор в команде Дулда.

— А кто там? — с явной неохотой интересуется Ингвальд.

— Уродские Цилиндры — Бегемотик...

— Бугуртщики конченные. Не, не пойду. У них игры не будет.

— Зато не бухают. Дулд — Капитан Крюк. С ним Катана, Герцог и еще десяток молодых.

— Крюк — нормальный. А что за Дулд? — совершенно невозмутимо спрашивает Ингвальд.— Что? Не смотри на меня так. Я правила на играх принципиально не читаю. Прочитаю, а там какая-то ересь, как всегда. Расстроюсь, начну на форуме с мастерами спорить, переругаюсь и в итоге все впечатление заранее испорчу. На фиг.

— Спорить и ругаться у тебя и без правил выходит, — спокойно констатирует Сол.— Так что, в Дулдиты? Давай оформляться.

— Дилдоты? — фыркает Ингвальд.— Ну ты и названия придумал, Эд.

Мастер реплику пропускает мимо ушей. Раскрыв журнал, он вооружается ручкой.

— Паспорт давай, реликт девяностых,— оканчивает он переговоры, переходя к регистрации.

Толкиенист послушно лезет в верхний карман рюкзака. Хорошо, что хоть этот момент прочитал. На игру Эд арендует турбазу, а это значит — строгая отчетность. Тут без паспортов никак.

Игроки ни шатко ни валко подъезжают до самого вечера. Эд встречает их, регистрирует, а Просперо, мастер по АХЧ, расселяет по домикам. Игра начнется только завтра, парад пока назначили на одиннадцать, но, зная ролевую братию, его наверняка придется перенести часа на два. Пока народ проснется, опохмелится и оденется,

Глава 1. НОЧЬ ПЕРЕД НАЧАЛОМ

пройдет немало времени, особенно учитывая, что первую ночь перед игрой мало кто будет спать. Традиция.

Эдвард с каким-то удивлением понимает, что скучал по всему этому. По этой мышинной возне, в которой медленно, но уверенно рождается игра. Он ходит по турбазе, глядя, как кто-то заантураживает домики, кто-то забирает заказанный у приехавшего на игру оружейника пистоль или шпагу, кто-то дефилирует в тертом камуфляже, берцах и судейском парике вкупе с белым воротничком. Сола зовут в домики, откуда слышится треньканье гитары и звяканье бутылок. Внутри его встречают дружным воплем «Мастер!», обещают удовольствий, заваливают вопросами. Он заходит, здоровается, перебрасывается парой слов, выпивает стакан «за удачную игру» и идет дальше. Всего этого он не видел уже больше года — весь прошлый сезон было не до игр. Не до игр и теперь, просто Эд чувствует себя обязанным. Пообещал и не выполнил. Надо вернуть долг. Хотя бы так.

— Все путем? — Просперо возникает из темноты, широколицый, черноволосый еврей, старый приятель и давний напарник Эда — не только в игроделе. Хваткий и дотошный, он отличный администратор. На нем вся техническая часть игры: покупной антураж, питание, вода, договор с турбазой, взносы.

— Ты, кстати, в курсе? — спрашивает он. — Это наша с тобой десятая игра. Десять игр и одиннадцать лет нашему тандему.

Эд кивает.

— Наверное, последняя.

— Да перестань, — улыбается ему Просперо. — Все наладится. Пошли-ка лучше выпьем.

Он тянет Эда за собой, в темноту, где прячется мастерский домик. Вообще-то Просперо зовут Вова, а прозвище свое он получил не от шекспировского мага, а от

РТУТЬ И СОЛЬ. Часть первая

оружейника-революционера из «Трех толстяков» Юрия Олеши. Молодежь даже не слышала о такой сказке, но в Вовино с Эдом детство эта книжка продавалась везде, да еще и фильм был по ней, и мультик, кажется. Они дружили уже тогда и часто играли вместе, представляя себя героями этой книги. Эдик тогда был Тибулом, но кличка к нему не пристала. А вот Вова так и остался Просперо, даже группу свою так назвал — «Просперо и Калибан». Играли они мрачноватую такую вариацию бардовской песни, которая, как оказалось лет пять спустя, хорошо вписывалась в жанр «дарк-фолк». «Просперо и Калибан» часто выступают на играх, правда неполным составом и в акустике, но все же группа имеет некоторые вес и признание в тусовке.

— Как там Алина? — доставая из сумки бутылку коньяка, интересуется Вова. Эд качает головой:

— Все так же. Врачи говорят, что состояние хорошее, опасности нет.

Вова выдвигает тумбочку, устраивая импровизированный стол. Коньяк с бульканьем течет в походные стаканы.

— Что-нибудь обещают?

— Как всегда. «Пробуждение может произойти в любой момент». Шутят,— Эд берет стакан и тут же опрокидывает его в себя. Просперо поддельно возмущается:

— Кто так пьет? Это ж коньяк, а не водка.

— Это бодяженный спирт с красителем и ароматизатором,— вытерев губы, отвечает Сол.— Пить его нельзя. Можно только употреблять.

Просперо осторожно нюхает свой стакан.

— Нормальный коньяк,— пожимает он плечами.—

А вообще, правильно, что ты эту игру таки сделал...

— Еще не сделал,— возражает ему Эд.

Просперо отмахивается.

Глава 1. НОЧЬ ПЕРЕД НАЧАЛОМ

— Сделал-сделал. Оттарабаним парад, а дальше игроки уже сами разберутся. Правила толковые, люди адекватные, все вопросы решили...

— Как по взносам? В нули вышли? — Сол задумчиво крутит в руках мобильник, словно собираясь кому-то звонить.

— Ага,— ухмыляется Просперо. Это их старая шутка. Уже много лет под его мудрым еврейским руководством игры приносят им стабильный, пусть и небольшой (в пересчете на затраченное время) доход. В этот раз договаривались, что доход пойдет Алине. Точнее, на уход за Алиной.

Вова разливает по стаканам вторую порцию, достает из сумки лимон. Клацает выкидной нож, слегка похрустывает под лезвием желтая корка.

— Алина была бы рада. Жалко, что она всего этого не видит.

— Кто знает? — Эд выпивает, подхватывает пальцами лимонный кружок.— Знаешь, она мне много рассказывала про этот город. Она ведь его не придумала. Ну не совсем придумала.

— Это как?

— Алина не хотела, чтобы кто-то знал. Она говорила, что ей все время снится один и тот же сон. Вернее, сны разные, но все происходят в одном городе, в Олддоне. Она даже карту его мне рисовала, рассказывала, где была и что видела.

Просперо задумчиво трет подбородок. Это не мешает ему налить по третьей.

— Хочешь сказать, что ей это все приснилось?

— Точно,— Эд берет стакан, держит в руке.— Несколько лет подряд, еще до нашего знакомства. Каждую ночь — один и тот же город.

— Ничего себе.

РТУТЬ И СОЛЬ. Часть первая

— Я сначала не верил. Сначала. А потом, когда Алина стала по утрам пересказывать мне свои сны, поверил. И как по-другому? Она меня никогда не обманывала. Смолчать могла, а соврать — нет.

Сол выпивает. Теперь он смотрит куда-то сквозь Просперо, взгляд помимо воли застывает. Он не может прогнать это странное оцепенение.

— Знаешь, а я ведь предчувствовал. Перед тем как все случилось. Ее сны, они стали особенно яркими... Алина стала долго спать, ложилась очень рано. Мне иногда даже казалось, что она торопится туда, что ей тут скучно, неудобно. Ну я себя успокаивал... Теперь думаю — зря.

— Перестань,— Просперо выпивает свою порцию, спешно закусывает.— Ты не мог знать. А даже если бы знал? Эд переводит на него потяжелевший взгляд.

— Сейчас я знаю только то, что моя жена провела уже тринадцать месяцев в состоянии чуть лучше комы. Не кома — летаргия. Еще неизвестно, что хуже. Когда я утром разбудить ее не смог, скорую вызвал... Эти придурки начали мне рассказывать, что Алина истеричка, и все это — последствия стресса. Говорили, что через час-полтора сама проснется. А потом просто развернулись и уехали.

— Ублюдки,— кривится Просперо.— Весь институт балду пинали, потом пришли людей лечить. Точнее, лекарства выписывать подороже, за аптечные откаты.

— На скоряке откатов не получают,— качает головой Сол.— Там есть хорошие люди, но работа такая, что чертвеешь быстро. Все по фигу становится.

Они пару минут молчат, глядя на столик с остатками лимона и бутылкой, в которой еще осталось на два пальца коньяка. За стенами домика разогретый алкоголем хор нестройно выкрикивает какую-то народную ролевую. Сквозь хриплое пение слышен вистл, с трудом попадающий в неровный ритм гитары. Первая ночь — одна из

Глава 1. НОЧЬ ПЕРЕД НАЧАЛОМ

лучших на игре. Это ночь предвкушения, когда вместо игры в голове иллюзия, волшебный мир, в который вот-вот нырнешь, как в темный омут. Это потом все становится на свои места и идет по накатанной колее до самого конца. А в первую ночь еще кажется, что все будет по-другому. По-настоящему.

— Скучаешь без нее? — спрашивает Просперо.

Эд смотрит на него, не торопясь отвечать.

— Сначала... Сначала было непонятно. Думал, что Алина вот-вот очнется, ждал. Потом как-то втянулся. Прочитал, что в летаргии человек все слышит. Стал с ней разговаривать. Первые месяца три. Потом устал. Знаешь, я не могу разговаривать с трупом. Стыдно,— Сол качает головой.— Последние месяцы я ей читаю по вечерам. А днем, пока на работе, заряжаю аудиокниги.

Просперо разливает остатки коньяка. Опустевшая бутылка уходит на пол. Пение за окном затихает, хор разбивается на десяток громких голосов, бодрых, но уже слегка неуверенных. Душный летний вечер постепенно уступает прохладной ночи. Мошки кружатся вокруг лампы, комары, наглые и многочисленные, атакуют беспрерывно.

— Есть не хочешь? — интересуется Просперо, метким ударом сбивая очередного кровососа.

— Нет,— мотает головой Сол.— Жара, ничего не хочется. Я спать.

— А я пойду в народ. Развеюсь,— Вова встает, разминая плечи.— Старт взят хороший, главное — закончить нормально.

— Смотри там аккуратнее,— напутствует его Эд.

Просперо фыркает:

— Обижаешь. Подъем в полседьмого. Я все помню.

Хлопает дверь. Эд снимает ботинки, падает на кровать. Как всегда, она ему мала — ноги приходится согнуть.

РТУТЬ И СОЛЬ. Часть первая

— Паршивое пойло,— бормочет он. От выпитого голова тяжелая, хочется просто закрыть глаза и лежать. Вообще, странно — полбутылки коньяка для его габаритов обычно проходят не так заметно.

«Просто устал,— думает про себя.— С пяти утра на ногах. Выплюсь — и все будет путем».

Снаружи снова запели. Вещь была незнакомая, видно, что-то из новодела. За ролевым фольклором Эд не следит уже лет пять. Поначалу его еще как-то привлекали все эти КСП на фэнтези-тематику, скорее по причине новизны. Потом, когда стало ясно, что все они на один мотив, и в музыке их авторы разбираются примерно так же, как в ядерной физике, интерес заметно поубавился. Впрочем, пара вещей успела врезаться в память как следует. Интересно было бы их теперь послушать. Жаль, что больше их не поют.

Завтра еще до парада начнется суета. Народ гуськом потянется, начнутся вопросы, уговоры, споры, увещевания. Каждый игрок приезжает поиграть, и только мастер приезжает чтобы работать. Делать игру для всех присутствующих. А это значит, что каждый вопрос надо выслушать и ответить на него так, чтобы и вопрошающий не ушел обиженным, и остальные от этого не впали в агнст. Задача временами совсем непростая.

Эд вдруг садится на кровати — он кое-что вспомнил. Подтягивает рюкзак, начинает в нем копать. Через минуту в руках его появляется небольшая тетрадь в твердой обложке. На обложке — ярко-желтые деревья на черном глянцевом фоне. Тетрадь кажется совсем новой. Эд осторожно раскрывает ее и, не читываясь, пробегает глазами по строчкам. Это дневник Алины. Во времена блогов и социальных сетей бумажный дневник выглядит странным рудиментом, утратившим смысл. Для Алины смысл был. У нее была почти физическая потребность фиксировать свои впечатления, переживания, сны. Сны особенно.

Глава 1. НОЧЬ ПЕРЕД НАЧАЛОМ

Эд неторопливо листает тетрадь, пропуская особо личные моменты. Он взял ее, чтобы больше погрузиться в атмосферу Олднона, чтобы вспомнить, каким его видела Алина. Коньячные пары мутят голову, не дают сосредоточиться на чтении. Слова перед глазами то и дело прыгают, словно мелкие пугливые зверьки, разбегающиеся от чужого присутствия.

Олднон. Интересно, получится сделать его таким, каким Алина видит его в своих снах? Нет, конечно. Никакая турбаза не заменит огромный город с громадами фабричных зданий, рабочими кварталами, особняками богачей, дворцами правителей. Алина видела его во всех подробностях, заглянула почти в каждый уголок. Она бродила по овощному рынку, что зажат между фабрикой Бауэра и диларнийскими трущобами, поднималась на Королевский мост, с опаской обходила заставы заколоченных кварталов. Раньше Сол даже жалел, что не видит таких же снов. Теперь он гораздо больше жалеет, что их видела Алина.

Сон подбирается незаметно. Он медленно, исподтишка спутывает мысли, словно палочкой размешивая их в котелке черепа. Постепенно они теряют форму и определенность, превращаются в какие-то обрывки, смутные образы. Наконец и они растворяются в черноте, оставляя после себя только тяжелую, бесконечную пустоту.

Просперо входит в домик и видит друга спящим. Смешно подогнув ноги, он лежит на спине и, что необычно, даже не храпит. Наоборот, дышит медленно и глубоко.

Просперо стягивает обувь, снимает жилет и футболку, проверяет небольшой чемоданчик, где хранятся взносы, прячет его под кровать и только потом ложится сам, едва слышно ругая Эда за упрямое нежелание травить комаров фумигатором.

Снаружи уже порядком поредевший хор допекает какую-то песенку об убийстве собственной матери.

Глава вторая

УЖАСНЫЙ НОВЫЙ МИР

Эд просыпается от того, что лежать ему стало жестко и холодно. Сквозь сон он пытается нащупать одеяло, но рука его неожиданно натывается на что-то липкое и холодное. В голове звенит, виски и затылок давит, словно тисками.

— Что за хрень? — сипло бормочет он, переворачиваясь на бок. Сон отступает, и в носу начинает щипать — здесь воняет, и воняет общественным туалетом и помойной ямой одновременно. Руки и ноги от лежания на твердом затекли так, что едва слушаются. Поборовшись с собой немного, Эд садится и оглядывается.

И тут оказывается, что он зажат в узком проходе между двумя глухими кирпичными стенами. Вверху, метрах в десяти, виднеется серая полоска неба, едва посветлевшая от приближающегося рассвета. Сол поднимается, держась рукой за стену, смотрит под ноги. Картина не самая приятная: утрамбованная земля с небольшими лужицами и явными следами испражнений. Само по себе это не примечательно, Эда больше интересуют стены. А точнее, кирпичи, из которых они сложены.

Не нужно быть строителем, чтобы понять — кирпичи в кладке отличаются от типичных образцов и размерами, и цветом. Они слишком плоские и длинные, а глина, из которой они сделаны, не ярко-красная, как у облицовочного, и не землисто-желтая, как у внутреннего кирпича. Она рыжевато-бурая, почти коричневая. Да и сделаны стены куда аккуратнее, чем заведено у советских каменщиков. Похоже, что кладка довоенная, а может даже — дореволюционная. Чего, само собой, на турбазе, постро-

Глава 2. УЖАСНЫЙ НОВЫЙ МИР

енной в восьмидесятых, быть не могло. Как и каменных домов в три этажа.

— Дебилы,— резюмирует Эд, потирая застывшие от холода руки. Дурацкая шутка товарищей — вот что это. Дождались, пока заснет, и вывезли в поселок. Может даже, Просперо что-то в коньяк добавил. Нет, вряд ли — он его и сам пил. Пожав плечами, Эд разворачивается и направляется к выходу.

Проход выводит его на небольшую улочку, плотно стиснутую между двумя рядами домов, каждый два или три этажа в высоту. И если кирпичную кладку их еще как-то можно объяснить, то вот фасады — никак. Какие-то из них отштукатурены, какие-то нет, окна разного размера и устройства, но почти все — в деревянных рамах с мелкими ячейками. Крыши встречаются и плоские, и двускатные, словно каждый дом строился сам по себе, без всякого общего плана.

Эд ошарашенно оглядывается, переводя взгляд с домов на прохожих. Губы сами по себе беззвучно произносят единственную подходящую ситуации фразу:

— Да твою же мать.

Мимо него проходит девица в длинном коричневом платье, белом застиранном переднике и потрепанной шляпке с парой облысевших перьев. Одной рукой она держит большую плетеную корзину, прижимая ее к бедру. На вид ей можно дать лет двадцать, может двадцать пять. Руки у нее — со вздутыми венами и белесой, потрепанной кожей. Еще не заметив укрытого углом дома Эда, она негромко мурлычет себе под нос какую-то песенку. Мотив Солу незнаком, но слова явно английские:

Переулочек есть, каких, в общем, не счесть,
Где в субботу бушует веселье;
Неширок он весьма, ходят там, как впотьмах,
Но зовут его Райской аллеей.